

«ВОЛОСТНАЯ» МОБИЛИЗАЦИЯ ВЕСНЫ 1919 г. В КАЛУЖСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИях

Н.А. ЩЕРБАКОВА

*Калужский
государственный
педагогический
университет
им. К.Э. Циолковского*

e-mail: roma.romov@mail.ru

В статье в контексте военной политики большевиков анализируется ход так называемой «волостной» мобилизации в губерниях Центрального промышленного района. Мобилизация была объявлена декретом ВЦИК, СНК и Совета обороны от 25 апреля 1919 г., в основу которого было положено добровольчество. В ходе мобилизации выявилась непригодность добровольческого принципа комплектования вооруженных сил, и местные власти вынуждены были прибегнуть к принудительному набору. Это вызвало недовольство крестьянского населения. Мобилизация проходила в сложной общественно-политической обстановке. В деревне получили распространение антисоветские настроения, а масштабы уклонений от службы в Красной армии и дезертирства превратились в острую проблему для Советской республики. Сразу же после провала «волостной» мобилизации большевики встали на путь усиления репрессивных мер в борьбе с дезертирством.

Ключевые слова: гражданская война, крестьянство, военные мобилизации, добровольчество, принудительный набор.

Военная политика большевиков в 1918 – 1920 гг., в особенности людские и конные мобилизации, вызывали массовое недовольство крестьянства. Одним из заметных мероприятий такого рода стала так называемая «волостная» мобилизация весны 1919 г., в основу которой было положено добровольчество, проходившая в сложной общественно-политической обстановке. В масштабах страны эта мобилизация, как отмечал ЦК РКП(б), не дала ожидаемых результатов. В советской историографии трудности мобилизации «волостников», как правило, освещались односторонне и оправдывались объективными обстоятельствами. Отмечалось, что мобилизация неудачно совпала с весенними полевыми работами, что наибольшее число добровольцев представили поволжские губернии, в отличие от губерний Центральной России, и др.¹ Однако такие проблемы, как соотношение добровольчества и принудительности, примененные в ходе реализации призыва, и возникшее в связи с этим недовольство населения, практически не затрагивались. Мы рассматриваем механизм проведения «волостной» мобилизации и непосредственную реакцию крестьянства Калужской и Тульской губерний в контексте военной политики большевиков периода 1918 – 1920 гг. В конечном итоге это помогает понять, сколь неоднозначной явилась поддержка крестьянством большевиков в гражданской войне, и при каких обстоятельствах крестьяне встали на их сторону. В качестве источников по данной проблеме использовались доклады агитаторов, районных уполномоченных и мобилизационных комиссий, а также отчеты уездных и губернских исполкомов, сводки по дезертирству и др. документы по Калужской и Тульской губерниям.

Весной 1918 г., когда началось формирование волостных военкоматов, многие сельские общества пытались уклониться от этого мероприятия. Иногда волостные сходы выносили постановления об отказе от организации военкоматов и запрете на организацию таковых на своей территории². В течение лета и осенью на железнодорожных станциях происходили постоянные вооруженные столкновения следовавших на фронт эшелонов красноармейцев с местными реквизиционными и заградительными отрядами, которые безжалостно отбирали продукты у голодающего населения. Не раз совер-

¹ История советского крестьянства. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917 – 1927. Т.1. М., 1986. С. 136-137.

² ГАДНИКО (Государственный архив документов новейшей истории Калужской области). Ф.1. Оп.1. Д.78. Л.5-14 об.

шались попытки силой увезти продовольственные отряды на фронт³. Летом 1918 г. массовых мобилизаций крестьян в центральных губерниях не проводилось. Начавшееся в сентябре всеобщее обучение военному делу вызвало глухое раздражение в крестьянской среде⁴. Ситуация резко изменилась осенью того же года, когда были объявлены мобилизации крестьян 1898 г. рождения (мобилизация проводилась в сентябре-октябре) и 1897-1893 гг. рождения (мобилизация намечалась на ноябрь-декабрь). Осуществление этих призывов спровоцировало массовые антисоветские крестьянские выступления в ряде центральных губерний. В волнениях осени 1918 г. фокусировалось всеобщее недовольство деревни, прежде всего, продовольственной диктатурой и военными мероприятиями советской власти. Для центральных губерний подобные события характерными не были: предыдущие крестьянские восстания в основном были в восточных и юго-восточных областях. Во многих губерниях мятежи охватывали несколько уездов и распространялись в смежные регионы. Так было и в Калужской губернии, где в ноябре 1918 г. волнения в Медынском, Боровском, Малоярославецком и других уездах длились более двух недель и были окончательно подавлены 25 ноября. Для локализации и подавления мятежей калужские власти использовали местные вооруженные отряды, в том числе отряд 3-го Курземского латышского советского полка (186 штыков), а также вызвали на помощь отряды из Москвы. Калужская губерния ни до, ни после осенних волнений не переживала событий такого масштаба и характера, в то время как в других губерниях число антисоветских крестьянских выступлений в последующие несколько лет продолжало расти.

С осени 1918 г. и в течение 1919 г. росло дезертирство, которое стало одним из наиболее распространенных способов сопротивления военной политике советской власти во время гражданской войны. К весне дезертирство превратилось в острую социально-политическую проблему. При мобилизации 1891 – 1892 гг. рождения в первых числах марта в Калужской губернии из 7500 призываемых явились 1100 чел.⁵ В апреле 1919 г. проводилась мобилизация 1899 г.⁶ В связи с началом полевых работ в деревнях наблюдалось скопление дезертиров. Во второй половине мая 1919 г. в Калужской губернии насчитывалось до 20 000 дезертиров⁷, в Тульской губернии – свыше 10 000, общий процент дезертирства в губернии составлял 10-15 %⁸. В отдельных уездах Калужской губернии находилось до 3000 – 5000 чел., уклоняющихся от мобилизаций и дезертиров⁹. Количественные данные по дезертирству относительны. Они не учитывают различия между собственно дезертирами, то есть теми, кто бежал после присяги, и теми, кто не присягал, при многократных побегах возникал повторный счет¹⁰. На местах учет уклоняющихся и дезертиров велся слабо, волисполкомы неохотно предоставляли списки представителям уездных и губернских властей. Сведения о количестве дезертиров в уездах были весьма приблизительны, так как зачастую статистические данные подменялись эмоциональной оценкой. Весной 1919 г. проводилась третья по счету конная мобилизация, которая успеха не имела, а в некоторых местах была встречена открытым сопротивлением со стороны крестьян¹¹.

В связи с продвижением Колчака к Волге 11 апреля 1919 г. был объявлен новый призыв рабочих и крестьян пяти возрастов (1886-1890 гг. рождения) в 9 неземледельческих губерниях¹². Через два дня была объявлена партийная мобилизация и мобилизация членов профсоюзов. В Тульской губернии в этот период объявлялась мобилиза-

³ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф.25883. Оп. 1. Д.136. Л.139-139об.

⁴ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.1235. Оп.29. Д.5. Л.16.

⁵ РГВА. Ф.25883. Оп. 1. Д.91. Л.127.

⁶ Там же. Ф.33987. Оп. 1. Д.103. Л.34, 34об.

⁷ Там же. Ф.25883. Оп. 1. Д.277. Л.134об; РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.17. Оп.6. Д.114. Л.112об.

⁸ РГВА. Ф.25883. Оп. 1. Д.277. Л.134об; РГАСПИ. Ф.17. Оп.5. Д.3. Л.83об., 83а.

⁹ РГВА. Ф.25883. Оп. 1. Д.150. Л.252.

¹⁰ Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны. // Вопросы истории. 2003. № 3. С.108.

¹¹ РГВА. Ф.25883. Оп. 1. Д.277. Л.136.

¹² Декреты Советской власти. – М., 1971. Т.5. С.63-65.

ция 1889 и 1890 гг. рождения, призыв граждан 1900 г. рождения, солдат расформированной старой армии, возвратившихся из плена и родившихся в 1889-1893 гг., а также возвратившихся из отпуска по болезни. Мобилизации проходили слабо, из общего количество подлежащих призыву 26234 чел. 15 июня было призвано 2217 чел.⁴³ В Калужской губернии из подлежащих призыву 1889, 1890 гг. рождения 4023 чел. было призвано 586⁴⁴. Одновременно с этими призывами в мае – начале июня 1919 г. проводилась и «волостная» мобилизация.

«Волостная» мобилизация была объявлена декретом ВЦИК, СНК и Совета обрроны «О призыве среднего и беднейшего крестьянства к борьбе с контрреволюцией» от 25 апреля 1919 г. Согласно декрету, каждая волость должна была выделить 10-20 добровольцев, по возможности из бывших солдат, одеть, обувь и снарядить их⁴⁵. Для ее проведения каждый уезд разбивался на районы, в которые назначались ответственные представители из уездных исполкомов и комитетов РКП(б), временно снятые с советской работы. Они рассылались по деревням для устройства митингов, собраний и бесед, на которых крестьянство призывалось к добровольной записи. Для этих целей тысячами перепечатывались экземпляры листовок и воззваний. Районные уполномоченные, в свою очередь, привлекали к агитации в деревнях волостные ячейки РКП(б) и культурно-просветительные кружки. Из членов волисполкомов создавались мобилизационные комиссии для выполнения технической работы, как-то, собрать сходы, представить списки дезертиров и т.д. Нередко волисполкомы отказывались выполнять эту работу, ссылаясь на задержку жалования и другие обстоятельства, за которыми скрывался страх расправы за участие в непопулярном мероприятии⁴⁶.

В первых числах мая 1919 г. Калужский губком РКП(б) оценивал настроение местного крестьянства, как приподнятое, и делал оптимистичный прогноз относительно «волостной» мобилизации⁴⁷. Однако прогноз не оправдался, добровольцев среди калужских крестьян оказалось очень мало. Во многих местах крестьяне весьма сочувственно встречали агитацию, слушали с большим вниманием, охотно беседовали, соглашались, но добровольцев не выделяли. Калужский уезд, например, был разбит на 9 районов, в них выехали 9 лучших агитаторов, а устроенные ими мероприятия, по оценкам самих организаторов, прошли грандиозно. Но это мало сказалось на результатах, в уезде оказалось всего 5-6 добровольцев. В Лихвинском уезде крестьяне также проявляли интерес и сочувствие к агитации, но не решались оторваться от семьи и полевых работ. Дезертиров в уезде было около 2000 чел. (по другим данным – 5000). Здесь нашлось 20 добровольцев. В Перемышльском уезде – 7 добровольцев. В Мещовском уезде насчитывалось около 800 дезертиров, а добровольцев оказалось – 7. В Мосальском уезде, где «дезертиров было больше, чем в любом другом районе губернии» оказалось 3 добровольца. В Тарусском уезде агитационная кампания вообще не имела успеха по случаю полевых работ (2 добровольца). В Боровском уезде на призыв откликнулась лишь одна Ильинская волость, где активно работали ячейка РКП(б) и исполком (5 добровольцев). В Медынском и Жиздринском уездах добровольцев не оказалось. В Медынском уезде дезертиров было от 500 до 800 чел., в основном из тыловых. По призыву 1889 и 1890 гг. явилась лишь половина призывников. Районный уполномоченный предполагал, что в принудительном порядке «волостная» мобилизация пройдет на 75 %, «мобилизованные не будут революционны, но не будут и дезертирами». Председатели Советов Жиздринского уезда отказались содействовать «волостной» мобилизации. В связи с этим были назначены к призыву все граждане 1878 – 1890 гг. рождения, но и они уклонились от призыва. Тогда было решено принудительно мобилизовать по 10-20 чел. от волости⁴⁸.

Крестьяне негативно отнеслись к необычному для них виду мобилизации. Районные уполномоченные сообщали, что проводить «волостную» мобилизацию невозможно, так как крестьяне «не учитывают положения и не хотят идти на защиту совет-

⁴³ РГВА. Ф.25883. Оп. 2. Д.181. Л.322.

⁴⁴ ГАРФ. Ф.1235. Оп.94. Д.309. Л.135.

⁴⁵ Декреты Советской власти... Т.5. С.107-108.

⁴⁶ ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.19. Л.91-92об.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.6. Д.114. Л.207.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.6. Д.114. Л.116-117об.; ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.19. Л.21, 63.

ской власти»¹⁹. Там, где мобилизация проводилась в чистом виде, то есть на основе добровольчества, волостные сходы выносили иронические постановления вроде «Открыть бюро записей добровольцев», заведомо зная, что добровольцев не будет. Там, где им изначально предлагалось выделить из своей среды или с помощью сельских и волостных Советов определенное количество солдат, они заявляли, что не в праве распоряжаться чужой кровью²⁰. Когда были получены первые результаты, и стало понятно, что мобилизация от 25 апреля 1919 г. в чистом виде, не пройдет, практически все укомы РКП(б) и мобилизационные комиссии Калужской губернии прибегли к принудительной мобилизации²¹. Посредством волисполкомов население обязывали выделить одного человека от нескольких селений, удовлетворяющего требованиям приема (к примеру, одного человека от 14 селений)²². В некоторых уездах принудительная мобилизация распространялась на ячейки РКП(б). Так, волисполкомам и районным уполномоченным Козельского уезда предстояло мобилизовать все комячейки, не давшие при партийной мобилизации 50 % на фронт, и присоединить их к добровольцам. Остальные коммунисты, члены волостных и сельских Советов при принудительном назначении также не исключались²³. Большинство членов волостных и сельских ячеек РКП(б) отказывались от мобилизации и заявляли о сложении полномочий²⁴. В ряде уездов практиковалось проведение «волостной» мобилизации через Советы. На съезде сельских Советов Зиновьевской волости Лихвинского уезда было решено мобилизовать по 1 чел. от каждого сельсовета, что дало 5 добровольцев²⁵. Но такой вариант проходил не всегда, потому что во многих Советах работали преимущественно пожилые люди, или те, кто пользовался отсрочкой. После проведения мобилизации служащих сельских и волостных Советов, люди не хотели работать в них из-за страха быть отправленными на фронт.

Сельсоветы отказывались принудительно назначать кандидатов из крестьянского населения, считая, что не имеют для этого ни силы, ни оснований²⁶. Одни представители волисполкомов в знак протеста демонстративно покидали собрания волостных мобилизационных комиссий²⁷, другие выходили из положения, назначая лиц, непригодных к военной службе. Повсеместно вопрос о принудительном назначении вызывал конфликты, не утихали угрозы в адрес членов мобилизационных комиссий. Поэтому деревенские работники бездействовали, а городских было слишком мало, чтобы выполнить эту работу²⁸. Благодаря этому переход от добровольческого принципа к принудительному в осуществлении «волостной» мобилизации не дал ощутимых результатов. Например, в Медынском уезде Калужской губернии от 22 волостей принудительно было назначено к набору 315 чел., из них явилось в военкомат 24 чел., а до места назначения в Тульский запасной батальон доехало лишь 10. Многие из назначенных к мобилизации, находились в поездке за хлебом²⁹. Окончательные результаты волостной мобилизации в Калужской губернии выглядели так: в Жиздринском уезде оказалось 2 добровольца, в Малоярославецком уезде – 2 добровольца и 133 взятых принудительно, в Лихвинском – 5 добровольцев, в Перемышльском – 96 взятых принудительно, в Боровском – 5 добровольцев, в Медынском – 22 взятых принудительно, в Тарусском – 2 добровольца и 120 взятых принудительно³⁰. В масштабах страны деревня должна была выделить 140000 добровольцев, а выделила

¹⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.6. Д.114. Л.112об.

²⁰ ГАКО (Государственный архив Калужской области). Ф.Р-1498. Оп.1. Д.215. Л.21-21об.

²¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.6. Д.114. Л.233.

²² ГАДНИКО. Ф.1. Оп.1. Д.10. Л.117об.

²³ Там же. Оп.2. Д.24. Л.37-37об.

²⁴ Там же. Д.19. Л.91-92об.

²⁵ Там же. Л.72-72об.

²⁶ Там же. Л.66.

²⁷ Там же. Л.140.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Оп.1. Д.10. Л.126.

³⁰ ГАРФ. Ф.1235. Оп.94. Д.309. Л.134.

всего 24661³⁴. Несмотря на это, советское государство использовало добровольчество на всем протяжении гражданской войны (к 1 ноября 1920 г. в РККА добровольцев среди личного состава насчитывалось 16,6 %, т.е. свыше 900 тыс. чел.)³².

Крестьяне Тульской губернии сочувственно принимали агитацию и соглашались с необходимостью разбить противника советской власти, даже подавали реплики насчет того, как свирепо расправятся с помещиками в случае их возвращения. Но когда ставился вопрос о добровольцах, говорили: «Берите сколько нужно, но по годам»³³. Волостная мобилизация на основе добровольчества здесь также провалилась, и губком решил прибегнуть к следующему способу. Волостным исполкомам было предложено составить списки всех бывших членов Советов и комбедов и из них выделить новобранцев. Но многие волостные исполкомы ответили на это отказом, опасаясь угроз. Из некоторых волостей, впрочем, присылали новобранцев, но большинство из них оказывалось непригодным к военной службе по болезни, инвалидности или несовершеннолетия³⁴. Так, в Чернском уезде по «волостной» мобилизации явилось 6-7 % от назначенного количества, из них 50 % было освобождено. По оценкам уездного военкомата, в июне процент уклонений и дезертирства составлял здесь 70-80 %. В Белевском уезде среди 250 чел., явившихся по наряду, оказалось много инвалидов и стариков³⁵. В Каширском уезде по наряду подлежало явке 357 чел., а явилось 163 чел., из них 47 были признаны непригодными, 68 освобождены политической комиссией, и на фронт отправилось 38 чел.³⁶ Кое-где благодаря проведению «волостной» мобилизации через Советы и комбеды авторитет Советов поднялся, но сами Советы оказались без работников³⁷. Для более успешного проведения мобилизации, «дабы мобилизуемые не тыкали пальцем на членов исполкомов, вот, де, они сами-то не идут, а нас посылают», уездным исполкомам было предложено начать мобилизацию с себя. Некоторые из них выделили 3-4 чел. К 28 мая в Тулу прибыло около 300 чел. по «волостной» мобилизации³⁸.

В результате большинство прошедших по «волостной» мобилизации крестьян, оказались призванными принудительно, что противоречило заявленным в декрете от 25 апреля требованиям. На этом основании многие считали, что призваны незаконно. Так, крестьяне Губинской волости Козельского уезда Калужской губернии писали: «...мы являемся не стойкими и ненадежными защитниками Советской Республики, так как мы назначены произвольно, без нашего на то согласия, а в декрете Совета Народных Комиссаров, напечатанного в Голосе Трудового Крестьянства 11 мая в № 99, говорится, что мобилизованных распоряжением волостных исполкомов считать добровольцами. Мы же, назначенные принудительным путем, просим Губинскую волостную комиссию освободить нас от такового назначения. Получившие назначение из нас многие беспартийные»³⁹.

При сложившихся взаимоотношениях между крестьянством и властью, добровольчество оказалось чуждым для крестьян. Поэтому сельские общества чаще всего мотивировали отказ от «волостной» мобилизации отсутствием в своей среде «стойких и надежных защитников советской власти»⁴⁰. В некоторых местностях, например в Лихвинском уезде Калужской губернии крестьяне открыто заявляли, что ждут Колчака, который принесет «свободу и избавление от ига большевиков». К красноармейцам и их семьям здесь относились враждебно, так что группа сочувствующих при обсуждении проблем «волостной» мобилизации объявила себя на военном положении⁴¹. Кроме того, крестьяне не видели смысла в добровольчестве, когда в стране была объявлена всеобщая

³⁴ История советского крестьянства. Т.1. М., 1986. С. 136-137.

³² Молодцыгин М.А. Красная Армия: рождение и становление. 1917-1920. М.: ИРИ РАН, 1997. С.138.

³³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.5. Д.3. Л.83об., 83а.

³⁴ Там же. Л.84об.

³⁵ Там же. Оп.6. Д.351. Л.23.

³⁶ Там же. Д.351. Л.18.

³⁷ Там же. Л.13.

³⁸ Там же. Оп.5. Д.3. Л.84об.

³⁹ ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.19. Л.145.

⁴⁰ Там же. Л.140.

⁴¹ Там же. Ф.1. Оп.1. Д.10. Л.95; Оп.2. Д.25. Л.120; ГАКО. Ф.Р-1498. Оп.1. Д.215. Л.210б.

воинская повинность: «Зачем идти добровольно, если нас и так скоро призовут⁴²?» Общества не одобряли своих односельчан, которые шли на фронт добровольцами. Один красноармеец в июне 1919 г. писал, что является единственным добровольцем в своем селении, а остальные обещали расправиться с ним, как только он вернется⁴³.

Необходимость выделить людей в принудительном порядке ставила крестьян в тупик, вызывая недовольство и раздражение. Поэтому они требовали провести мобилизацию обычным порядком, то есть по годам: «Объявите год, тогда пойдем»⁴⁴. Иногда крестьяне заявляли о необходимости общей мобилизации мужского населения до 45 лет, при которой «никто не будет скрываться, все пойдут дружно и сломят Колчака»⁴⁵.

На добровольный призыв должна была откликнуться, прежде всего, молодежь, как самая социально подвижная часть крестьянского мира. Но молодежь опять же призывалась по годам, а кто хотел идти добровольно, ранее вступил в отряд ВЦИК. Многие находились за пределами своей волости на заработках или в поездке за хлебом: «Дать некого, все молодые на отхожих промыслах»⁴⁶.

Нередко мобилизационным комиссиям приходилось слышать: «Возьмите коммунистов, тогда пойдем» или «Заберите дезертиров, пойдем добровольно». Многие коммунисты уклонились от прошедшей недавно партийной мобилизации, а ячейки РКП(б) распались. Это не прошло незамеченным для беспартийной массы населения, которая без конца указывала агитаторам на известные факты уклонения коммунистов⁴⁷. Волостные съезды сельских Советов принимали решения «выгнать», то есть заставить идти на фронт всех коммунистов⁴⁸. Дезертирство и уклонения от военной повинности существенно осложняли мобилизации 1919 г., в том числе и «волостную». Дезертиров было слишком много, в отдельных уездах Калужской губернии – не менее 10 в каждой деревне. «Вы переловите всех дезертиров в нашей волости, тогда вам не придется и нас брать в солдаты», – говорили крестьяне⁴⁹. На съезде сельских Советов Ленинской волости Лихвинского уезда Калужской губернии с одобрения общества было решено «выгнать» на фронт всех дезертиров⁵⁰. Жители другой волости Калужской губернии обещали добровольно пойти в Красную армию после того, как к дезертирам применят жесткие меры воздействия⁵¹. Были голоса, предлагавшие вместо крестьян отправить на фронт заградотряды⁵².

Помимо прочего, неудачное совпадение срока «волостной» мобилизации с весенними полевыми работами также способствовало ее провалу⁵³. В весенне-летний период, время раздела и обработки земли, наблюдался активный рост дезертирства. Порой крестьян было трудно уговорить посетить агитационное собрание, не говоря о вступлении в ряды Красной армии⁵⁴. Иногда пожилые крестьяне обещали пойти добровольцами, когда закончат сеять, но таких было очень мало. Чувствовалась всеобщая усталость от войны и разрухи. Вследствие голода, отсутствия соли, семян для посева и других лишений развивалась апатия, нежелание занимать какую-либо гражданскую позицию⁵⁵.

Итак, «волостная» мобилизация была не понята и не принята крестьянством Калужской и Тульской губерний. Крестьяне недоверчиво и враждебно относились к добровольчеству, что еще раз подтверждало его непригодность как принципа комплектования

⁴² ГАДНИКО. Ф.1. Оп.1. Д.10. Л.95, 106; Оп.2. Д.24. Л.37-37об.; ГАКО. Ф.Р-1498. Оп.1. Д.215. Л.11.

⁴³ ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.17. Л.110-110об.

⁴⁴ Там же. Д.19. Л.93; ГАКО. Ф.Р-1498. Оп.1. Д.215. Л.21-21об.

⁴⁵ ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.19. Л.72-72об.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.6. Д.114. Л.233.

⁴⁷ ГАДНИКО. Ф.1. Оп.1. Д.10. Л.95; Оп.2. Д.25. Л.120; ГАКО. Ф.Р-1498. Оп.1. Д.215, Л.210б.

⁴⁸ ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.19. Л.80.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.5. Д.3. Л.83об., 83а; Оп.6. Д.114. Л.112об.

⁵⁰ ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.19. Л.80.

⁵¹ Там же. Л.39, 72-72об.

⁵² Там же. Л.93.

⁵³ Там же. Д.25. Л.120.

⁵⁴ Там же. Оп.1. Д.10. Л.95; Оп.2. Д.25. Л.120; ГАКО. Ф.Р-1498. Оп.1. Д.215. Л.210б.; ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.19. Л.73-73об.

⁵⁵ ГАДНИКО. Ф.1. Оп.2. Д.19. Л. 72-72об., 82-82об.; РГАСПИ. Ф.17. Оп.5. Д.3. Л.83об., 83а.

вооруженных сил. Вскоре после объявления мобилизации местные власти перешли к принудительному набору, что вызвало недовольство населения. Во многих уездах это распространялось также на ячейки РКП(б) и низовые Советы. Назначение новобранцев сопровождалось конфликтами и недоразумениями на местах. Однако результаты принудительного набора, иногда в разы превышающие число добровольцев, не существенно повлияли на общий итог «волостной» мобилизации. Большинство крестьян, зачисленных добровольцами, на самом деле были мобилизованы принудительно.

При тех масштабах дезертирства, с которым к весне 1919 г. столкнулись большевики, объявление мобилизации на основе добровольчества выглядит, по меньшей мере, странным. Могла ли деревня, наводненная уклоняющимися от армии и дезертирами, выделить 14000 добровольцев? Кажется очевидным, что не могла. Возможно, большевики рассчитывали на то, что крестьяне под прямой угрозой наступления Колчака, под страхом возвращения помещиков встанут на защиту советской власти. Кроме того, большевики могли надеяться на ответную поддержку части крестьянства после VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.), на котором был декларирован союз со средними слоями крестьянства, определены практические меры по усилению материальной помощи семьям красноармейцев и по предоставлению льгот середняку. Однако крестьянство с его конкретным мировоззрением не восприняло заявлений большевиков и осталось глухим к их призывам о поддержке. Это наглядно показывает, что крестьянство центральных губерний весной – в начале лета 1919 г. не собиралось воевать за советскую власть, в деревне получили распространение антисоветские настроения.

К лету 1919 г. все призывные контингенты в стране были исчерпаны. Дальнейшие военные мероприятия большевиков характеризуются решительным поворотом к репрессивным мерам. Уже 3 июня 1919 г. Совет Обороны принял постановление о мерах по искоренению дезертирства, которое предоставляло комиссиям по борьбе с дезертирством, созданным в конце 1918 г., права проводить полную или частичную конфискацию имущества и передавать земельные наделы во временное пользование семьям красноармейцев. Эти меры могли применяться в отношении семей дезертиров и укрывателей⁵⁶. В масштабах страны дезертирство пошло на убыль во второй половине 1920 г., чему способствовала налаженная к этому времени система контроля над личным составом Красной армии и безусловная ответственность за дезертирство⁵⁷. «Волостная» мобилизация стала последним средством «мирного» решения проблемы комплектования вооруженных сил Красной армии перед усилением репрессивных мер.

«VOLOST-DRIVEN» MOBILIZATION IN SPRING 1919 IN KALUGA AND TULA PROVINCES

N.A. SCHERBAKOVA

*Kaluga State Teacher
Training University
named after K E Tsiolkovsky
e-mail: roma.romov@mail.ru*

The Article treats, in the context of the Bolsheviks' military policy, what they called 'volost-driven' mobilization in Russia's Mid-West Industrial Area. Mobilization was decreed on 25 April 1919 by the All-Russia Central Executive Committee and the Soviet of People's Commissars on a voluntary basis. It transpired in the course of its implementation that the voluntary principle did not work in amassing armed forces, and the local authorities had to resort to universal conscription, which resulted in resentment on the part of the peasantry. The social and political circumstances were highly complex. The move gave rise to anti-Soviet sentiment in the country, while cases of draft-dodging and desertion amounted to quite a problem for the Soviet Republic. Once 'volost-driven' mobilization failed, the Bolsheviks embarked on increasingly harsh reprisals against deserters.

Key words: civil war, peasantry, military mobilizations, voluntary basis, universal conscription.

⁵⁶ Декреты Советской власти... Т.5. С.265.

⁵⁷ Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны... С.114.